

Влияние промышленной деятельности крестьян России конца XIX – начала XX века на развитие их хозяйства

В.В. ВОЛКОВ, кандидат философских наук. Военный институт (Железнодорожных войск и военных сообщений) Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулева, Санкт-Петербург.
E-mail: agnee@yandex.ru

В статье показаны сущность промышленной деятельности крестьян и то противоречивое воздействие, которое она оказывала на экономическую, социальную и культурную жизнь крестьянской семьи.

Делается вывод о том, что промышленные заработки, с одной стороны, развивали крестьян культурно и социально, помогали им экономически держаться на плаву, а с другой – разрушали патриархальность семьи, порождали в ней раздоры, разделы и дробление земельных участков, вынуждали крестьян еще больше втягиваться в деформированные рыночные механизмы.

Ключевые слова: промыслы, крестьяне, рабочие, отход, заработки, влияние, двор

В России конца XIX – начала XX века, бывшей в то время сельскохозяйственной страной, процесс найма рабочей силы во многом протекал при посредстве так называемых промыслов. Под промыслом следует понимать «подсобное занятие при основном, сельскохозяйственном» [1. С. 533; 2. С. 192].

Промыслы могли быть *местными*, когда крестьяне, не порывая связи со своим хозяйством, находили заработок на месте своего жительства (чаще всего в своем уезде) и *отхожими*, когда им приходилось искать его вдали от дома и отсутствовать в течение относительно долгого времени, оставаясь также важной единицей крестьянского двора [3. С. 144]. Эти промыслы были сельскохозяйственными и несельскохозяйственными (фабрично-заводскими, кустарными, извозными, в виде работы прислугой и др.) [4. С. 1–2; 5. С. 2]. Иногда их объединяли и классифицировали по типам работ. Так, член Костромского губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности Ю. А. Спасский выделял черный отход, заработки

на фабриках, деревенский ремесленный и городской ремесленный отход [6. С. 144].

В категорию *домашних* промысловиков входили те промышленники, которые во время промысла продовольствовались дома: кустари, содержатели промышленных заведений, должностные лица сельского управления, крестьяне, занимавшиеся случайными работами [7. С. 140].

Современная исследовательница Т. М. Полянская предложила все промыслы считать отходом и выделила в них *ближний* (в пределах уезда) и *дальний отход* (за его пределами). На наш взгляд, такая постановка вопроса не позволяет учесть нюансы разных форм промысловой деятельности. Но вот рассмотрение Т. А. Полянской отхода по двум основным типам – краткосрочному и долгосрочному – следует признать справедливым [8. С. 19–20].

Крестьяне-промысловики делились еще на наемных рабочих и на самостоятельных мелких работников-хозяев. Нас в первую очередь интересуют те виды промысловой деятельности крестьян, которые были связаны с наймом рабочей силы: сельскохозяйственные, фабрично-заводские и т. п. На местных сельскохозяйственных промыслах крестьяне нанимались в сельские рабочие к соседним помещикам, крестьянам и лицам других сословий или вступали с ними в арендные отношения. На отхожих сельскохозяйственных промыслах происходило то же самое, но только в других регионах, вдали от дома [4; 9. С. 1–2].

Промысловая деятельность крестьян оказывала противоречивое воздействие на самих крестьян и их хозяйство.

С одной стороны, отхожие промыслы задерживали разложение крестьянского хозяйства, аккумулируя отхожие заработки своих членов, которые в первую очередь шли на уплату податей и покупку скота. Например, по данным, поступившим в Костромской губернский комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности, обеспеченность скотом была выше в «отхожих» уездах, чем в чисто земледельческих [6. С. 147]. Покупка помещичьей земли также шла в основном за счет денег, полученных крестьянами на заработках. Большинство крестьян рассматривали уход от земледелия как временный, а приобретенную землю – как гарантию своего будущего [10. С. 56].

С другой стороны, отход и вообще промысловая деятельность вели к деградации крестьянского хозяйства. Так, в 1899 г. в Суздальском уезде Владимирской губернии 51,6% дворов каменщиков не имели лошадей, у плотников – 26,1%, у пильщиков – 14,5% [11. С. 23]. В 1901 г. около 80% крестьян-торговцев и свыше 90% кровельщиков, землекопов и штукатуров Ярославской губернии не возвращались на сельскохозяйственные работы, которые поэтому производились главным образом женщинами и наемными работниками [10. С. 55, 586–591].

Кроме того, неравномерность заработков и утрата аграрной квалификации некоторых членов семьи приводили к ссорам и семейным разделам и, следовательно, к разрушению крепких крестьянских хозяйств. Правда, чаще всего никакого реального раздела не происходило: все имущество, кроме земли, оставалось у отца, а отделившийся сын начинал новое хозяйство с нуля, накапливая средства на обзаведение хозяйством из тех же отхожих промысловых заработков. Приведем пример. В Галичском уезде Костромской губернии отхожие заработки составляли 80–150 руб. Из них уходило на дорогу 20–25 руб., на подати – 15–25 руб., на обработку пашни и няньку – до 30 руб. Остальное шло на питание и домашние расходы, а на обзаведение элементами нормального крестьянского хозяйства почти ничего не оставалось [12. С. 329; 13. С. 450].

Таким образом, основная составляющая социальной дифференциации российской деревни генерировалась не в сфере междворовых внутриобщинных отношений, а внутри самих крестьянских дворов, постоянно выплескиваясь в виде семейных разделов, роста числа бедных дворов и развиваясь уже в виде внутрисословного классового расслоения. И существенную роль в таком генезисе играла промысловая деятельность крестьян.

Объяснение неоднозначному влиянию отхода на крестьянское хозяйство, по всей видимости, следует искать в степени вовлеченности рабочей силы двора в промысловую деятельность. В одних случаях промыслы отнимали всю рабочую силу двора и вели к его разрушению или стагнации, в других – только лишние рабочие руки, которые приносили дополнительный доход семье [14. С. 66–67].

Это предположение подтверждается статистикой Покровского уезда Владимирской губернии. Здесь в 1900 г. в крестьянских семьях фабричных рабочих с семьей и более членами полевого хозяйство велось в 90,1% семей, с 5–6 членами – 62% семей, а с семейным составом до пяти человек – 32,7% семей. Зато всю землю сдавали в аренду только 9,3% больших, 35,1% средних и 64,9% малых по составу семей. При ведении полевого хозяйства в первой группе наем использовали 3,1% семей, во второй – 10,6%, в третьей – 13,8%. Отчасти использовали наем – 40,8%, 56,6, 63%, соответственно [15. С. 165].

Нельзя не отметить, что промысловая деятельность приводила к повышению грамотности крестьян и росту числа учащихся среди них. Например, в «отхожих» уездах Костромской губернии на 100 человек приходилось 55,9 грамотных новобранцев, в фабричных – 34,9, в лесных – 25,8, а учащихся соответственно – 1,44, 1,43, 1,07 [6. С. 147].

К тому же соприкосновение с городской культурой расширяло умственный кругозор отхожего рабочего, укрепляло в нем чувство собственного достоинства [6. С. 148]. Однако при этом распространялись такие асоциальные явления, как пьянство, разврат, хулиганство, отказ от помощи престарелым родителям. Крестьянин Звенигородского уезда Московской губернии И. Г. Горбачев писал по этому поводу: «Молодое поколение живет на отхожих промыслах... Затем пьянствует безнаказанно, обворовывает свое семейство, делается негодным членом общества, никаких повинностей не справляет и оброку не платит, а ему никто ничего не говорит» [16. С. 310]. Об этом же писал и земский начальник 1-го участка Можайского уезда Х. Х. Русанов: «По уходе на заработок год, много два сын оказывает почтение отцу и дает некоторую помощь в дом, а затем, ближе познакомясь с городской жизнью и ее развлечениями, а главное под влиянием своих старших товарищей, отказывает в помощи своим родителям...» [17. С. 425].

Описываемое явление во многом происходило из-за того, что для жилых помещений рабочих-отходников на частных или хозяйских «квартирах» даже незадолго до первой мировой войны были характерны «неустроенность и скученность на небольшом пространстве лиц различного пола и возраста, как правило,

не связанных родством, и к тому же лишенных привычного контроля со стороны общины за соблюдением традиционных моральных устоев...» [18. С. 121].

О социальных и нравственных проблемах отхожих рабочих весьма красноречиво докладывало руководство Санкт-Петербургской уездной и пригородной полиции: «Масса рабочих, прибывающих постоянно из деревень на заработки, не знает никакого ремесла, самый значительный процент из этих авантюристов составляют те, у которых домашнее хозяйство расстроено. Будучи в большинстве случаев должниками обществу по неплатежу податей и повинностей, они вынуждены выпутаться из подобных критических обстоятельств, являются в Петербург и, не зная куда обратиться за заработком, часто отыскивают своих земляков на заводах, обольщаются лживыми обещаниями последних содействовать им при отыскании места и в ожидании будущих благ пропивают остальные средства и потом проводят праздное время» [19].

«Фабриканты жалуются на разгул и разврат рабочих, на плохую работу... Но не на всех заводах и фабриках народ разгульный и истощенный» [20]. «Фабричные и заводские рабочие крайне нуждаются в помещении. Некоторые принуждены бывают жить в значительной отдаленности, а за поздний приход на работу ставят штрафы; поэтому рабочим приходится стесняться и жить вблизи своих фабрик. Квартиры их слишком грязны, холодны, воздух стесненный. Рабочий после 13 ½ часового труда, придя домой и вдыхая артельный воздух, при таких условиях едва может пользоваться хорошим здоровьем. Поэтому за отсутствием всяких удобств в квартире, он поневоле отправляется в кабаки или трактиры, которых в изобилии при каждом заводе...» [21].

Экономическая жизнь в местностях с развитым отходом поставила во главе крестьянского хозяйства женщину и тем самым сделала ее более независимой от мужчины, сознательной и образованной. Но тяжелый крестьянский труд приводил к раннему ее старению и физическому вырождению [6. С. 148]. А плохие антисанитарные условия труда и быта отхожих рабочих резко повысили заболеваемость и смертность мужчин-отходников [22. С. 663].

Итак, промысловые заработки, с одной стороны, развивали культурно и социально крестьян, помогали им экономически держаться на плаву, с другой стороны, разрушали патриархальность семьи, порождали в ней раздоры, разделы и дробление земельных участков, вынуждали крестьян еще больше втягиваться в деформированные рыночные механизмы.

Литература

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Шведовой. – М., 1985.
2. Руднев Н. Ф. Промыслы крестьян Европейской России // Саратовский земский сборник. – 1894. – № 6.
3. Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. – СПб., 1892. – Вып. V. Вольнонаемный труд в хозяйствах владельческих, передвижение рабочих, в связи со статистико-экономическим обзором Европейской России в сельскохозяйственном и промышленном отношениях.
4. Шаховской Н. В. Отхожие сельскохозяйственные промыслы. – СПб., 1895.
5. Меерков А. Н. К вопросу об отхожих промыслах, переселенческом и богомольческом движении в Воронежской губернии за 1911 год // Отхожие промыслы, переселенческое и богомольческое движение в Воронежской губернии в 1911 году. – Воронеж, 1914.
6. Доклад Ю. А. Спасского об урегулировании отхожих промыслов // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. – СПб., 1903. – Т. XVII. Костромская губерния.
7. Пешехонов А. В. Крестьяне и рабочие в их взаимных отношениях. – СПб., 1906. – С. 46; Доклад Н. А. Домогацкого об упорядочении сельскохозяйственных отхожих промыслов // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. – СПб., 1903. – Т. XIV. Калужская губерния.
8. Полянская Т. М. Отхожие промыслы крестьян Московской губернии в конце XIX – начале XX вв. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. – М., 2008.
9. Чаславский В. И. Земледельческие отхожие промыслы в связи с переселением крестьян. – СПб., 1875.
10. Статистический сборник по Ярославской губернии. – Ярославль, 1907. – Вып. 19. Отхожие промыслы крестьянского населения Ярославской губернии (По данным о паспортах за 1896–1902 гг.).
11. Материалы для оценки земель Владимирской губернии. – Владимир-на-Клязьме, 1902. – Т. VIII. Суздальский уезд. Вып. III. Промыслы крестьянского населения.

12. См.: Докладная записка земского начальника 3 уч. В. Е. Горталова // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. – СПб., 1903. – Т. XVII. Костромская губерния.
13. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева». – СПб., 2004. – Т. 1.
14. Александров Н. М. Отхожие промыслы крестьян Верхнего Поволжья в конце XIX – начале XX века. – Ярославль, 2007.
15. Смирнов А. Фабрика и фабричный рабочий // Русская мысль. – 1902. – № 5.
16. Записка крестьянина И. Г. Горбачева о нуждах сельскохозяйственной промышленности крестьян // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. – СПб., 1903. – Т. XXIII. Московская губерния.
17. Записка земского начальника 1 участка Можайского уезда Х. Х. Русанова об изменении порядка производства взысканий с членов крестьянского семейства, находящихся на заработках, на содержание родителей и поддержание крестьянского хозяйства // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. – СПб., 1903. – Т. XXIII. Московская губерния.
18. Полищук Н. С. Обычаи и нравы рабочих России (конец XIX – начало XX в.) // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917 г. – СПб., 1997.
19. ЦГИА СПб. Ф. 961. Оп. 4. Д. 20. Л. 2–2 об.
20. ЦГИА СПб. Ф. 961. Оп. 4. Д. 20. Л. 3.
21. ЦГИА СПб. Ф. 961. Оп. 4. Д. 20. Л. 3 об.
22. Доклад К. Н. Степанова // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. – СПб., 1903. – Т. XXIII. Московская губерния.